

РОЛЬ И ПОЗИЦИЯ ПЛЕБЕЕВ В ПЕРИОД СОСЛОВНОЙ БОРЬБЫ VI–III ВВ. ДО Н.Э.

Ковалев Станислав Сергеевич

преподаватель-исследователь, Санкт-Петербургский
государственный университет
stanisl2021@yandex.ru

THE ROLE AND POSITION OF THE PLEBEIANS IN THE PERIOD OF CLASS STRUGGLE OF THE VI–III CENTURIES BC

S. Kovalev

Summary: The article examines the position of the plebeians and their influence on the history of Rome in the period from the formation of the Republic to the Hortensius Act, which put an end to the class struggle between patricians and plebeians. The article pays special attention to the contradictions existing in historiography regarding the period before the codification of Roman legislation, which is characterized by a particularly meager source base. The article makes a significant contribution to the study of the complex and multifaceted period of Roman history known as the class struggle. The analysis of the role and position of the plebeians during the class struggle of the VI–III centuries BC allows for a deeper understanding of the complex social and political processes that took place in early Rome.

Keywords: plebeians, patricians, secession, Early Republic, tribunate, magistracy.

Аннотация: В статье рассматривается положение плебеев и их влияние на историю Рима в период от формирования Республики и до Закона Гортензия, поставившего точку в сословной борьбе патрициев и плебеев. Особое внимание в статье уделено существующим в историографии противоречиям касательно периода до кодификации римского законодательства, отличающегося особенно скудной источниковой базой. Статья вносит значительный вклад в изучение сложного и многогранного периода римской истории, известного как сословная борьба. Анализ роли и позиции плебеев в период сословной борьбы VI–III вв. до н.э. позволяет глубже понять сложные социальные и политические процессы, происходившие в раннем Риме.

Ключевые слова: плебеи, патриции, сецессия, Ранняя Республика, трибунат, магистратура.

В статье рассматривается проблематика противостояния патрициев и плебеев в VI–III вв. до н.э. через призму анализа изменения роли и значимости плебеев в данный период. Основной целью статьи является освещение наиболее острых и дискуссионных вопросов относительно роли и значимости плебеев в период сословной борьбы с привлечением и обсуждением мнений наиболее авторитетных современных исследователей-антиковедов, как отечественных, так и зарубежных. В рамках данной цели ставятся следующие задачи. Во-первых, показать основные критические точки римской истории, связанные с сословной борьбой плебса и патрициата. Во-вторых, представить основные историографические точки зрения на ту или иную проблему и на их базе выделить собственный взгляд на проблему, учитывая, в том числе и неизбежные ограничения, связанные с недостатком источников, что особенно характерно для самого первого этапа противостояния. И, в-третьих, показать общую эволюцию положения плебеев в римском обществе через призму не только их социального статуса, но и степени внутренней консолидации, которая в разные периоды могла значительно меняться.

Проблематика сословной борьбы в период VI–III вв. до н.э. является одной из наиболее сложных и про-

blemных сфер из истории Ранней Республики. В первую очередь потому, что даже на фоне самых современных исследований и публикации большого количества научных работ по теме, ученые по-прежнему упираются в принципиальную проблему отсутствия достаточного количества первичных исторических источников. Классические сочинения Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского по-прежнему остаются важнейшими источниками по изучению, как римской истории этого периода в целом, так и проблематики сословной борьбы в частности.

При этом современным исследователям хорошо известны все проблемы и ограничения, связанные с опорой на Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, вытекающие прежде всего из очень значительной хронологической удаленности авторов этих сочинений, от описываемых ими событий. Это не просто вторичные источники, это источники, отодвинутые по своей хронологии на несколько столетий и вдобавок в значительной мере опирающиеся на устную традицию. При таком грандиозном хронологическом разрыве информация неминуемо подвергается искажению и происходит зачастую неосознанная подмена одних исторических процессов другими, более соответствующими эпохе, в которую жил автор исторического исследования.

Естественно, что Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский, успевшие пожить и в эпоху Гражданских войн, и во времена Ранней Империи, весьма слабо представляли себе реальную социальную структуру римского общества VI в. до н.э. и не могли не подгонять достаточно аморфную классовую систему царского и раннереспубликанского Рима под четкие классовые градации I в. до н.э. Это, не говоря уже о том, что для обоих авторов характерно стремление подгонять факты под свою концепцию, их сочинения, как было принято для той эпохи, стремились дать некую стройную идею, под которую порой могли подгоняться факты.

Например, Дионисий Галикарнасский, будучи греком, последовательно стремился преувеличить греческое влияние на раннеримские общественные институты. И одновременно, будучи близким к Октавиану Августу, он подгонял многие факты под концепцию важности примирения сословий, ради блага Рима. Одновременно он любил разбавлять исторические факты легендами или историческими анекдотами, которые многими историками сегодня ставятся под сомнение вроде изнасилования Лукреции, как главной причины свержения царской власти. Здесь вообще надо учитывать, что и Дионисий Галикарнасский и Тит Ливий склонны к романтизированному изложению многих фактов и их тексты с обильным вкраплением психологических подробностей и пафосных речей (Dionys., IV, 66, 2) временами более похожи на художественное произведение, чем на историческую хронику. Причем хорошо заметно, что оба автора часто использовали метод литературной обработки той или иной базовой легенды. Например, речи Лукреции у них звучат по-разному, но в обоих случаях ситуация представлена надрывно и патетически.

Для современной исторической науки очевидна необходимость перекрестного анализа нарративных, археологических и эпиграфических источников. Однако при изучении общественных структур Ранней Республики центральная проблема состоит в том, что, например, археология, которая действительно значительно продвинулась в последние десятилетия, хорошо раскрывает экономическую составляющую и документирует крупные войны, но не всегда четко документирует социальные кризисы, а те данные, которые она дает, возможно интерпретировать по-разному. Как, например, те или иные исследователи по-своему интерпретируют факт резкого сокращения импорта греческой керамики в пер. пол. V в. до н.э. [16, р.192] Так называемый «кризис пятого века» широко обсуждается в литературе, но его связь с противостоянием патрициев и плебеев прослеживается лишь косвенно, оставляя простор для интерпретаций.

Таким образом, археология также неспособна заметить нарративные источники, лишь дополнять их. Значимое подспорье историку оказывают эпиграфическим

источники, в первую очередь известные Законы XII таблиц, являющиеся первой известной нам кодификацией римского права. Изучение Законов XII таблиц позволяет восполнить ряд пробелов или несостыковок, возникающих при сопоставлении данных античных авторов с археологическими находками. Однако и Законы XII таблиц не решают всех проблемных вопросов, прежде всего в силу того, что, как и любой античный юридический источник, они ограничены по своей природе, охватывая лишь ограниченную часть общественных отношений. Помимо этого, являясь итоговым результатом грандиозного общественного противостояния Законы XII таблиц закрепляют некий новый общественный порядок, и не всегда ясно насколько предложенные законодательные нормы соответствовали текущим социально-экономическим реалиям, кроме того, в своей изначальной форме эти законы до нас не дошли, и их содержание было частично восстановлено по более поздним историческим источникам. Итогом всего этого становится тот факт, что даже самые базовые формулировки из Законов XII таблиц становятся полем для споров. Среди римских эпиграфических источников немаловажное место также занимают надгробные надписи и эпитафии, количество которых резко вырастает именно в республиканский период. [1, с.44]

В итоге, касательно источниковой базы социальной истории Рима VI–V вв. до н.э. на сегодня ситуация обстоит так, что ни одна группа источников не дает достаточно веских доказательств той или иной концепции. Каждое отдельное историческое свидетельство, акт или договор этого периода оказывается недостаточно весомым и может быть подвергнуто аргументированной критике, а какие-то сколько-нибудь убедительные данные может дать только сопоставление всех доступных источников. Исследователям приходится проводить их перекрестный анализ и пытаться реконструировать утраченные фрагменты, базируясь, в первую очередь, на все тех же сочинениях Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского и других поздних свидетельствах, и пытаясь вычленив в них мифологическую компоненту, более поздние наслоения, а также авторские вставки. А потом уже пытаться выделить ту, информацию, которая предположительно, соответствует реальности описываемой эпохи. Разумеется, все это возможно только с той или иной степенью вероятности. Что и приводит к тому, что практически все эпизоды борьбы патрициев и плебеев являются источником ожесточенных споров историков до сих пор.

Так, проблемы возникают уже касательно определения численности населения Рима в рассматриваемый период, многие авторы высказывают сомнение, что реальный Рим VI в. до н.э. действительно был способен выставить 193 центурии (по сто человек) воинов, как это описывают и Тит Ливий (Liv., I, 43, 1-8) и Дионисий Галикарнасский (Dionys., IV, 16-18), городу попросту не

хватило бы населения для этого. Так, например, Тимоти Корнелл после перекрестного анализа источников говорит о том, что описание реформ римской армии Сервия Туллия через призму пяти имущественных разрядов на самом деле отражает реалии конца V в. до н.э., а в эпоху Сервия Туллия в Риме существовало всего 60 центурий пехоты или 6000 человек. [20, p.58] Что уже гораздо лучше соответствует, например, археологическим данным о численности населения Рима.

Военная реформа Сервия Туллия важна и в другом контексте, она теоретически должна показывать соотношение патрициев и плебеев в римском обществе с имущественной точки зрения, с точки зрения, кто какие подразделения комплектовал. Например, в историографии существует и такая точка зрения, что плебеи на самом деле не комплектовали центурии тяжелой пехоты, собственно опору римской армии. Итальяно-британский исследователь Арнальдо Момильяно, например, стремится разделять понятия «*populus*» и «*plebis*», подчеркивая, что первое это народ, комплектуемый пехотные центурии, а второе – это люди вне основного состава легиона. При этом дилемму, как в таком случае патриции могли самостоятельно комплектовать легионы, он решает следующим образом.

По мнению Момильяно необходимо учитывать, что помимо собственно патрициев существовало еще большее количество их клиентуры, которая, соответственно, также пополняла ряды войска. В качестве аргумента он приводит историю войны рода Фабиев с этрусками, в которой они использовали только армию своих клиентов. [15, p.175] Та война кончилась для Фабиев плохо, но вопрос состоит в другом, армии того периода не могли быть полностью конными, основу их боевой мощи составляла пехота. А значит, по мнению Момильяно, это подразумевает тот факт, что римская тяжелая пехота комплектовалась клиентелой патрициата. Он особенно подчеркивает, что ни в коем случае нельзя приравнивать клиентелу Поздней Республики к клиентеле VI–V вв. до н.э. когда в римском патриархальном обществе основу составляли земледельцы, соответственно, в его трактовке, основу мелких земледельцев Рима составляли именно клиенты. Плебеи же в его трактовке – это ремесленники, торговцы и различные деклассированные элементы, выполнявшие в войске роль вспомогательной пехоты типа застрельщиков.

Трактовка Момильяно не является общепринятой в современной исторической науке, скорее его взгляды разделяет меньшинство историков. Но ее ценность в том, что ученый показывает сложность классификации раннего римского общества в условиях, когда кодификации права еще не произошло, отходя от упрощенной двухступенчатой классификации, в которой всякий житель Рима обязательно должен относиться или к патри-

циям, или к плебеям, тогда как в большинстве древних обществ преобладала трехзвенная классификация, в виде знати, полноправных общинников и неполноправных элементов.

Соответственно, в схожем русле Момильяно решает и другую известную загадку патрициано-плебейских отношений, а именно известную формулу Тита Ливия «*qui patres, qui conscripti*» (Liv., II, 1, 11). Главной загадкой в этой формуле является вторая часть, «*conscripti*» или «внесенные в списки», которую традиционно трактуют, как приглашенных в Сенат плебеев и одним из аргументов является наличие в римских «*fasti*» того периода плебейских фамилий, что Момильяно объясняет тем, что одни и те же фамилии в разное время могли принадлежать разным родам. «*Conscripti*» в его трактовке – это своеобразная верхняя часть непатрицинской, но и неплебейской части римского общества. А окончательное поглощение плебеями промежуточных групп таких как клиенты и «*conscripti*» Момильяно относит уже к иному периоду – к сер. IV в. до н.э., когда плебейская организация и плебейские институты резко усилились. [15, p.179] При этом рост влияния плебеев отождествляется им с переориентацией Рима от патрицианской культуры этрусков к греческой культуре, которой придерживались плебеи.

Несмотря на спорность концепции Момильяно ее трудно безусловно полностью отбросить, потому что неоднородность раннеримского трудового населения подчеркивают и другие авторы. Например, известный отечественный антиковед И.Л. Маяк, придерживающаяся классической теории о дуализме патрициев и плебеев также говорит о ранних римских клиентах-земледельцах, как об особой части римского общества, зависимой от патрициата. [7, с.135] Отсюда можно сделать общий вывод, что концепция Момильяно не является полностью противоречащей традиционной, она скорее дополняет ее возможными вариантами социальной структуры раннеримского общества.

При этом, даже если исходить из более распространенной концепции о том, что плебеи составляли основную массу трудоспособного населения, были в массе земледельцами и комплектовали римскую тяжелую пехоту, все равно начинают всплывать различные внутренние противоречия в непатрицианской среде. Прежде всего, они связаны с достаточно агрессивной римской политикой VI–V вв. до н.э. с присоединением большого числа новых родов из новых племен. И часть этих родов ранее были в своих племенах знатью, и соответственно, имели определенные притязания на статус знати и в дальнейшем после интеграции в римские структуры. И именно эта, потенциальная, но не имеющая полноценного патрицианского статуса иноплеменная знать, на первом этапе развития плебейской борьбы могла

являться наиболее пассионарной и активной частью плебеев, подталкивающей их к большей борьбе за свои права. И одновременно именно эта знать, будучи частично включенной в состав Сената, как «conscripti», могла надолго отойдя от борьбы тем самым сильно ослабить плебейское движение.

Именно в этом русле, если исходить из традиционной концепции, как плебеев в виде основной массы римского земледельческого населения, комплекующего тяжелую пехоту легионов и оказывается возможным трактовать тот, на первый взгляд странный факт, что плебеи, обладая абсолютным численным большинством и военным превосходством, так долго добивались у патрициев защиты своих прав, фактически серьезных уступок плебеи добились только в конце IV – нач. III вв. до н.э., то есть их борьба растянулась более чем на 150 лет.

Фактически основная масса плебеев на первом этапе боролась лишь за оборонительные цели против совсем уж вопиющей несправедливости, как подчеркивает швейцарский антиковед Курт А. Раафлауб. [16, p.189] Концепция Раафлауба интересна в том плане, что четко раскрывает постепенное нарастание плебейского самосознания, показывая, почему борьба заняла такое количество времени. С другой стороны, не является абсолютно убедительной твердая уверенность Раафлауба, что именно плебеи составляли основную массу тяжелой пехоты легионов уже в поздний царский период. Решение этой проблемы требует появления новых источников, способных пролить свет на данный так и не решенный в науке вопрос.

В целом, уже с V в. до н.э. импульс плебейской борьбы периодически ослаблялся тем, что часть наиболее богатых и влиятельных представителей плебейского класса уходила в стан патрициев. Так, только наличием среди плебеев весьма влиятельной прослойки можно объяснить специально прописанный в Законах XII таблиц запрет на браки патрициев и плебеев. [11, с.31] Представляя плебеи исключительно народные массы, у патрициев или у условной аристократии крови не было бы необходимости «закрывать» свое сословие от богатых и влиятельных представителей плебейского класса.

При этом, однако, необходимо сделать несколько уточнений относительно истоков противостояния патрициев и плебеев в конце VI в. до н.э. Прежде всего можно предположить, что и класс патрициев, и класс плебеев все еще находились в стадии формирования, еще до конца, не интегрировав в себя ряд позднее растворившихся социальных групп. Так, например, представляется убедительной гипотеза, что клиенты патрициата составляли достаточно значимую социальную группу, однако необозначенную в источниках в силу отсутствия у нее собственной политической позиции. Однако имен-

но внушительная масса клиентов позволяла патрициату в совокупности со своей клиентурой из абсолютного меньшинства населения превращаться в достаточно крупную его часть, не менее 10%, как без клиентов, а уже до четверти или даже трети всего римского населения.

Соответственно ядро римской пехоты могло комплектоваться, как патрициями и их клиентами, так и зажиточными плебеями. Хотя с большой долей вероятности описываемая источниками пятицензовая система (наиболее подробно об этом сообщают Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский (Liv., I, 43-46; Dionys., IV, 16-22)) комплектования является исторической модернизацией, а в VI в. до н.э. система комплектования легионов была более примитивной с меньшим количеством разделений по цензу. Тем не менее, тяжелые военные действия, которые в это время почти постоянно вел Рим, не могли не подточить основу его пехотных сил, а именно мелкого фермера, который терпел убытки одновременно по нескольким направлениям – от необходимости приобретать и поддерживать в надлежащем состоянии дорогостоящее воинское снаряжение до невозможности своевременно обрабатывать собственный земельный надел. Соответственно, резко увеличилось число случаев обнищания мелких землевладельцев, их попадания в долговую кабалу и личную зависимость от патрицианской верхушки, что не могло не привести к значительному нарастанию социального напряжения в Риме. Хотя нельзя отрицать и того факта, что в VI–V вв. до н.э. римский патриотизм и чувство гражданственности были весьма развиты не только среди патрициев, но и среди плебеев. И в случаях действительной угрозы римской государственности, даже плебеи, как правило проявляли воодушевление и патриотизм.

При этом сам факт изгнания царя, по каким бы причинам он ни произошел (а здесь остается большое поле для дискуссий, в какой степени сведения Тита Ливия (Liv., I, 57–59) и Дионисия Галикарнасского (Dionys., IV, 64–67) отражают реальную ситуацию) не улучшил внешнеполитическое положение Рима. Скорее как раз таки наоборот, произошел фактический разрыв традиционных связей с этрусским миром, и у римлян только прибавилось врагов. Точно также и сам факт отмены царской власти с внешнеполитической точки зрения шел скорее во вред римлянам, поскольку противопоставлял их республиканскую модель доминирующей в регионе монархической. Таким образом, можно заключить, что фактически события 509 г. до н.э. привели не к улучшению, а к общему ухудшению положения плебеев, даже если в моменте они и испытывали воодушевление при свержении малопопулярного Тарквиния Гордого.

Можно сделать общий вывод, что переход к республиканской форме правления произошел скорее в интересах аристократии, при этом плебс не получил ника-

кого разрешения своих проблем, так не было отменено долговое рабство, не произошло и единовременного списания долгов. При этом экономические и военные факторы, продолжавшие ухудшать положение мелких землевладельцев, никуда не делись, скорее они, наоборот, усугубились. В таких условиях последовавший в 494 г. до н.э. социальный взрыв не мог быть случайностью, скорее странно, что плебеи продержались без восстания столь долго.

Отдельно необходимо еще раз отметить противоречие, связанное с пополнением Сената до 300 человек в 509 г. до н.э. Если Тит Ливий говорит о пополнении его «знатнейшими из всадников» (Liv., II, 1, 10), то у Дионисия Галикарнасского формулировка иная, он говорит о том, что «наилучших» плебеев сделали патрициями (Dionys., V, 13, 2). Представляется, что две эти формулы, с учетом неминуемой модернизации событий в источниках, в совокупности отражают, как факт неоднородности и еще неокончательного складывания плебеев, как социального класса в конце VI в. до н.э., так и иллюстрируют наличие в Риме того периода значительной группы иноплеменной знати, которая в итоге и волилась в состав патрициата, как «conscripti». Тем самым, на фоне расширения патрициата, с учетом его экономических, социальных (клиента) и идеологических ресурсов (контроль над многочисленными жреческими должностями, такими как понтифики, авгеры, фециалы, салии и фламины) именно в 509 г. до н.э. Римом фактически был взят курс на построение мощной олигархии, а не подлинно демократической Республики. Традиционную датировку 509 г. до н.э. вычисленную на основе консульских Фаст (лат. fasti) большинство современных исследователей считает верной.

Пятнадцатилетний период между созданием Республики и первой сецессией плебеев ознаменовался многочисленными войнами. При этом любые неудачи отражались в первую очередь на ухудшении благосостояния плебеев, а плодами побед пользовался в основном патрициат. Соответственно, нарастала долговая проблема, как сообщает Тит Ливий, которую власти Республики даже не пытались решить (Liv., II, 23, 1). Отсюда и возникла вынужденная самоорганизация плебеев с целью защиты собственных интересов в условиях абсолютного политического доминирования патрициата.

Соответственно исход плебеев на Священную гору в 494 г. до н.э. стал в определенном смысле жестом отчаяния в условиях, когда ни посредством консулов, ни даже посредством диктатора Валерия, который по Титу Ливию сочувствовал плебеям (Liv., I, 31, 8), им не удалось добиться защиты своих прав. И только под угрозой полного раскола государственности плебеям удалось добиться для себя определенных уступок в виде появления должностей народных трибунов, как их защитников

от произвола патрициата, обладающих к тому же неприкосновенностью.

Обращает на себя внимание явная скромность требований восставших, которые находясь в очень тяжелых условиях, не стремились к полному демонтажу государственной системы, а лишь пытались добиться для себя неких защитников. Это выглядит достаточно нетипичным для ситуации, где легион полностью состоит из плебеев. Отсюда следует вывод, что классическая точка зрения о простом дуализме патрициев и плебеев для конца VI - нач. V вв. до н.э. не соответствует истине, поскольку контролируя плебеи легионы полностью, они с легкостью захватили бы Рим.

В современной историографии все чаще высказывается точка зрения, что на момент первой сецессии плебеев римское общество было устроено значительно сложнее, нежели чем простой дуализм патрициев и плебеев. Выше уже приводилась точка зрения А. Момильяно о том, что тяжелая пехота легиона не комплектовалась плебеями. И если само это утверждение выглядит достаточно дискуссионным, то акцент Момильяно на наличие в римском обществе ряда других социальных групп, не включенных в простую дихотомию «патриции-плебеи» разделяет внушительное число современных авторов. Например, британский ученый Т.Дж. Корнелл подчеркивает, что в нач. V в. до н.э. плебс как прочная социальная общность только начал свое формирование. [19, р.258] И между достаточно сплоченным и оформленным патрициатом и только начинающим свое оформление плебсом, как двумя социальными полюсами, находилось значительное количество иных социальных групп, которые распределились между плебеями и патрициями уже позже в ходе дальнейшего обострения борьбы.

Подобное объяснение позволяет понять и относительную скромность требований во время первой сецессии плебеев, всего лишь введение института трибуната, а не полную трансформацию государственной системы. Подобный исход вполне логичен для ситуации, когда самоорганизовывающиеся под давлением обстоятельств плебеи контролировали не всю римскую пехотную римскую армию, а лишь ее наиболее активную и деятельную часть. Соответственно можно предположить, что ядро римской армии в тот период могли составлять мелкие и средние земледельцы не ассоциирующие себя полностью с плебеями, но в определенной степени сочувствующие им. И в данной ситуации уже не так принципиально, комплектовали ли плебеи только легкую пехоту (в таком случае их позиции для восстания скорее были бы слишком слабыми), либо же частично были представлены и в основном составе легиона, что представляется более вероятным, особенно на фоне предшествующих реформ Сервия Туллия.

Отсюда можно сделать вывод, что римская армия того периода — это с социальной точки зрения очень неоднородное образование, где в рядах тяжелой пехоты могли соседствовать и плебеи, и клиенты патрициата, и условно независимые земледельцы, не включенные ни в состав патрициев, ни в состав плебеев. В таком случае становится понятна значительная медлительность в отстаивании плебеями своих прав, их ярко выраженная оборонительная, а не наступательная социальная позиция. А также чрезвычайно длительный срок, прошедший с момента установления республики и до принятия Законов XII таблиц, а именно почти 60 лет, фактически два поколения людей.

Одновременно можно предположить, что именно в этот происходила и консолидация обоих общественных классов, патрицианского и плебейского, внедрение ими в свой состав иных социальных групп. Очевидно, что в 494 г. до н.э. в условиях отсутствия письменного права многие проблемы плебеев разрешались, по существу, неформальными методами. Так, власть народных трибунов в первые десятилетия их существования опиралась, прежде всего, на внутреннюю плебейскую солидарность, готовность плебеев поддерживать своих избранников. Соответственно, и тяжелый долговой гнет, как таковой не был отменен в 494 г. до н.э.

По итогам первой сессии в лице народных трибунов плебеи лишь получили некий институт защиты от произвола патрициата, от тех случаев, когда долговое закабаление производилось «несправедливо». Произошло восстановление старых «Священных законов», предполагавших для всякого осужденного право обращения за защитой к народу, а появление народных трибунов и, вероятно, плебейских эдилов выступило неким расширением и дополнением к старому обычаю. Тем не менее классическая историография, начиная с самих римлян традиционно связывает именно 494 г. до н.э. с появлением некой суверенности плебса, выразившейся в официальном утверждении магистратуры трибунов. [9, с.50]

Однако последовавшее очевидное усложнение римского общественного организма на фоне стремления патрициата полностью огородиться от остального общества и в условиях отсутствия письменного свода законов логичным образом привели к тому, что количество случаев произвольной трактовки законодательства со стороны патрициата стало нарастать, что закономерно вызывало недовольство консолидирующегося класса плебеев, который судя по всему постепенно включил в себя все промежуточные социальные группы не вошедшие в состав патрициата. Основное напряжение помимо долгов вызывал земельный вопрос, а именно зачастую произвольное и фактически незаконное распоряжение патрициев общественными землями.

При этом в годы, предшествующие принятию Законов XII таблиц, плебеи сумели добиться для себя ряда привилегий. Так, количество народных трибунов, после преодоления упорного сопротивления Сената было расширено до 10 человек. А в 456 г. до н.э. народные трибуны добились для себя важной привилегии, права созывать Сенат. Однако об этом пишет только Дионисий Галикарнасский (Dionys., X, 31, 1), что делает датировку события менее достоверной, чем, если бы она была отражена также и у Тита Ливия.

Тот факт, что перед принятием Законов XII таблиц внутреннее социальное напряжение в Риме достигло практически высшей точки хорошо описан и у Тита Ливия (Liv., III, 32, 5) и у Дионисия Галикарнасского (Dionys., X, 26, 4) и в целом выглядит достоверным. Характерно, что оба античных автора, занимающие в целом государственно-антиолигархические позиции, при этом признают, что в кризисе сер. V в. до н.э. были виновны не только патриции и их консулы, но и народные трибуны, их стремление укрепить собственную власть (Liv., III, 64, 1). Такой подход в целом соответствует и современной точке зрения, согласно которой судебные полномочия трибунов в условиях отсутствующих писаных законов с твердыми однозначными формулировками имели тенденцию вырождаться и приводить к злоупотреблениям. [10, с.40]

Таким образом, важно подчеркнуть, что Законы XII таблиц были нужны не только плебсу для защиты от произвола патрициата. В не меньшей степени в них нуждались и патриции с тем, чтобы четко очертить полномочия народных трибунов и предотвратить разрастающийся кризис в работе властных институтов. То есть внедрение полноценного свода писаных законов было обусловлено потребностями государства в целом и всех его крупных социальных групп.

Дискуссионным является вопрос о степени заимствований из греческого законодательства, о котором прямо пишут оба основных источника, особый упор на этом делает Дионисий Галикарнасский (Dionys., X, 57, 5), в целом отличающийся выраженными симпатиями к греческой культуре, что неудивительно, учитывая его происхождение. Современные исследователи соглашались с наличием в Законах XII таблиц греческого влияния, однако вопрос о полном заимствовании законов, где-либо в Греции является дискуссионным в историографии. Вполне возможно, что накопление элементов греческого законодательства происходило медленно и опосредованно, через культурное влияние, а не путем разового заимствования, как это утверждается римскими историками поздне-республиканского периода.

Сами Законы XII таблиц по своему содержанию носят достаточно консервативный, и даже суровый характер,

например в области наказаний. За многие проступки, даже не содержащие в себе убийства, полагается смертная казнь, как, например, за тайное истребление урожая. [11, с.29] Также нельзя сказать, что резко облегчилось имущественное положение плебеев, так долговое законодательство, хотя и упорядоченное, оставалось весьма тяжелым для несостоятельных должников, а главный плюс для плебса состоял не в облегчении бремени долговой зависимости, а именно в ее упорядочивании и предсказуемости, в том числе и с точки зрения правильного ведения судебных тяжб. [18, р.54] Тем не менее общая тенденция того времени в виде нарастающего стремления богатой верхушки брать под свой контроль разоряющееся крестьянство никуда не делась. В целом Законы XII таблиц отличаются чрезвычайной разработанностью долгового законодательства и в частности понятия долгового рабства или «*пехум*». Интересно, что специфическая римская гордость проявлялась и в этом случае. Римские граждане не могли быть рабами на территории не только Рима, но и всего Латинского союза, а продать должника в рабство можно было только за границу государства, за Тибр или «*trans Tiberim*». [19, р.281]

Общий рост значения зависимых отношений в римском обществе привел к тому, что в Законах XII таблиц появилось четкое разделение на патронов и клиентов. Хотя патроно-клиентские отношения появились в Риме гораздо раньше, к сер. V в. до н.э. на фоне роста социальной напряженности они приобрели особую актуальность. При этом важно, что в этот период на роль патронов начали претендовать уже не только патриции, но и богатые плебеи. Обострилась в первую очередь конкуренция между богатыми плебеями и патрициатом.

Ярким примером интенсивности этой борьбы стала ситуация вокруг запрета на браки между плебеями и патрициями. Сам запрет был прописан на XI таблице, которая была принята не первой, а уже второй коллегией децемвиров (реальное существование которой некоторые исследователи отрицают) в составе двух дополнительных таблиц, одиннадцатой и двенадцатой, что уже является показателем спорного и дискуссионного для римского общества характера этого нововведения. При этом сам характер этого запрета в отличие от долгового законодательства, направленного на урегулирование отношений с основной массой плебеев, направлен на противостояние богатым плебеям со стороны патрициев. И его можно трактовать, как стремление правящего класса защитить патрициат от массового проникновения в него богатых плебеев посредством брака с обедневшими представителями древних родов.

При этом и у Тита Ливия, и у Дионисия Галикарнасского, содержатся описания серьезного социального напряжения, порожденного узурпацией власти второй коллегией децемвиров (Liv., III, 35–38, 1–2; Dionys., X, 59–

60). История с осквернением Виргинии децемвиром также носит полулегендарный характер, учитывая явно моруализаторское ее освещение в источниках (Liv., III, 56, 5), но, тем не менее, общая тенденция к тому, что коллегия децемвиров, избранная как некий чрезвычайный магистрат, в итоге попыталась захватить власть, выглядит вполне реалистичной, учитывая исторический контекст и градус социально напряжения в этот период.

При этом уже в 445 г. до н.э. столь громкий закон о запрете смешанных браков уже был отменен через так называемые законы Канулея, народного трибуна, несмотря на яростное сопротивление патрициев, активно использовавших в том числе и свое влияние на жречество, стремясь раскритиковать смешение сословий с религиозной точки зрения, представляя смешанные браки, как нарушение божественного порядка. Тем не менее Канулей сумел добиться отмены запрета на смешанные браки, даже несмотря на то, что рост его популярности вызвал рост сопротивления прочих трибунов. Например, Тит Ливий чрезвычайно подробно описывает речи Канулея в защиту смешанных браков (вероятно занимаясь частичной модернизацией, но в данном случае важны именно акценты), патетически подчеркивая равенство общечеловеческих прав патрициев и плебеев и обращая особое внимание, что и в составе патрициата присутствует много потомков инородцев, например альбанцев или сабинян (Liv., IV, 4, 7).

В целом сами Законы XII таблиц не стали подлинно революционным шагом в контексте противостояния патрициев и плебеев, они скорее закрепили существующий порядок, нежели чем создали новый. Поэтому трактовать их как четкую победу плебейского движения оказывается достаточно затруднительно, скорее они сыграли важную роль в укреплении римской государственности в целом, поставили государственные институты на более прочную основу.

С точки зрения изменения положения и общественной роли плебеев гораздо более значимый шаг произошёл в ходе принятия законов Канулея, а именно не только официального разрешения смешанных браков, но и появления особой должности военного трибуна с консульской властью. Данная магистратура, хотя и избиралась нерегулярно (для военных действий) и давала отдельному военному трибуну все же меньше власти, чем настоящему консулу в силу того, что военных трибунов с консульской властью одновременно было больше, чем консулов (не менее трех человек) и каждый из них получал меньше власти.

Тем не менее, военные трибуны в отличие от народных трибунов обладали не отрицательной властью в виде вето, а полноценным «*imperium*», как и консулы. И на должность военных трибунов официально могли из-

бираться плебеи, хотя их в составе этого магистрата и было меньше, чем патрициев. Интересно, что по Дионисию Галикарнасскому первые три военных трибуна все были патрициями. Несмотря на то, что множество плебеев баллотировались на эту должность, плебс никого из них не считал достойными этой чести (Dionys., XI, 61, 3).

В этом факте, можно увидеть две закономерности. С одной стороны, военное искусство и полководческий опыт в глазах широких масс, несмотря на все ожесточение социальной борьбы, все еще тесно ассоциировались с представителями древних патрицианских родов, а не разбогатевших плебеев. А с другой стороны, в этом факте можно увидеть и рост социального напряжения внутри собственно плебейской среды, в том числе и на фоне того, что и Законы XII таблиц и законы Канулея, в первую очередь отстаивали интересы состоятельных слоев общества, а не его широких масс и процесс объединения мелких землевладельцев отнюдь не прекратился, хотя частично и мог купироваться за счет новых завоеваний.

Кроме того, при анализе римского права того периода необходимо учитывать специфику взаимоотношений разных властных институтов, приводившую к тому, что отдельные очень важные на бумаге законы могли либо совсем не исполняться, либо полностью выхолащиваться с помощью бюрократических проволочек. Так, классическим примером являются Законы Валерия и Горация 449 г. до н.э., которые на бумаге сделали решения плебисцитов (плебейских законодательных собраний) обязательными для исполнения всеми римлянами, что в теории делало эти законы принципиально новым шагом в укреплении позиций плебса в Республике. Однако на практике исполнение этих постановлений зависело от Сената, отстаивающего интересы патрициев. И реальное исполнение Законов Валерия и Горация затянулось даже не на несколько десятилетий, а более чем на два столетия.

После периода ожесточенной внутренней борьбы в сер. V в. до н.э. Рим на десятилетия вступил в период, когда, несмотря на серьезные внутренние противоречия большее внимание римлян привлекала внешняя политика, а внутренние противоречия, никуда не девшись, тем не менее, находились в стадии постепенного накопления критической массы для нового противостояния. Многие нововведения, произведенные в этот период, дали знать о себе не сразу, а лишь впоследствии на фоне уже нового витка борьбы патрициев и плебеев.

Допустим должность цензоров, введенная по Титу Ливию в 443 г. до н.э. изначально воспринималась, как малозначительная, скорее, как вспомогательная (функции переписчика) и потому тот факт, что на нее избирались только патриции не вызвал значимого сопро-

тивления плебеев (Liv., IV, 8, 2). А свою огромную власть цензоры обрели уже значительно позже, постепенно обрстая новыми функциями. Потому то и получение плебейми права на избрание цензорами произошло только почти через век, в 350 г. до н.э.

Конец V – нач. IV вв. до н.э. ознаменовалось двумя крупными конфликтами, наложившими свой отпечаток на социальную жизнь Рима. Так, десятилетняя война с городом Вейи, впервые для римлян приобретшая столь затяжной, осадный характер, привела к тому, что государство впервые начало платить legionарам жалованье. Legionеры все также представляли собой граждан, набираемых по принципу воинской повинности, однако поскольку они теперь должны были оставаться на зимнюю кампанию и не могли обрабатывать свои наделы. Данное нововведение способствовало дополнительному отрыву плебеев от сельского хозяйства и размыванию класса мелких земледельцев. Данная мера могла бы и не быть проведена в жизнь, однако на фоне временных неудач под Вейями, Сенату удалось победить сопротивление народных трибунов и воодушевить римлян на дополнительные тяготы службы ради победы над общим врагом. Вейи были побеждены и подпали под власть Рима.

Однако следующий конфликт окончился для римлян куда более печально, едва не приведя к полному краху римской государственности. Разграбление Рима галлами в 390 г. до н.э. (дата иногда оспаривается) стало для римлян серьезной травмой, показав им, насколько на самом деле хрупкой является столь почитаемая ими государственная машина. С галльской войной связан показательный случай патриция Марка Манлия по прозвищу Капитолийский, героя войны и спасителя Рима от галлов. [8, с.293] Впоследствии Манлий занялся активным завоеванием симпатий плебса, в том числе и путем показательных раздач денег и выкупов должников. Он быстро стал любимцем народа и по сообщениям источников замыслил переворот против Сената.

Тит Ливий, одобряя благородство Манлия и его помощь беднякам, при этом подчеркивает, что одновременно тот был обуян гордыней и стремился к личной власти, опираясь на плебс (Liv., VI, 11, 6–7). Сегодня достаточно сложно судить насколько это объяснение мотивов Манлия является соответствующим реалиям IV в. до н.э., а насколько является модернизацией на фоне длительных гражданских войн I в. до н.э. Но сам факт того, что патриции осудили на смерть другого патриция, причем героя войны, обвиняя его в попытке захвата власти, используя поддержку плебеев – хорошо иллюстрирует дальнейший рост кризисных явлений в римском обществе.

Одновременно, тот факт, что плебс практически не

заступился за ранее любимого ими Манлия показывает определенное моральное разложение части римлян, для которых политика стала не почетной обязанностью гражданина, а неким публичным развлечением. Здесь можно провести определенную печальную параллель с афинским демосом в его худшие годы, когда с помощью абсолютно легитимных демократических процедур даже самых достойных людей могли приговорить к смерти лишь потому, что они чем-то вызвали недовольство. Кроме того, поражение Манлия показывает нарастающие противоречия между беднейшей частью плебса и его верхушкой, которая отнеслась к начинаниям Манлия весьма холодно. [2, с.66]

Далее, на фоне продолжающихся и привычных для Рима войн, последовал уже принципиально новый шаг в противостоянии патрициев и плебеев, а именно Закон Лициния – Секстия 367 г. до н.э. по которому плебеи получили право занимать должность консула. [4, с.63] Фактически принятие этого закона обозначило принципиально новый этап в отношениях плебеев и патрициев, переход инициативы к прежде угнетаемому сословию. Плебеи достигли права, которого они добивались столь долго и долго не могли добиться даже после учреждения должности военных трибунов с консульскими полномочиями. Но должность военного трибуна все же имела нерегулярный экстраординарный характер, а консулы – ординарная должность.

Внедрение закона, впрочем, не обошлось без привычных для римлян конфликтов и компромиссов. Так, если патриции согласились на право плебеев становиться консулами, то те в свою очередь приняли требование знать об учреждении новой должности претора, как некоего «младшего товарища» консулов, отвечающего за судопроизводство. На эту должность по изначальным нормам 367 г. до н.э. могли избираться только патриции. Но 30 лет спустя плебеи все же добились права избираться на эту должность, как, впрочем, и на подавляющее большинство других. Например, право избираться диктаторами и цензорами они получили в 350 г. до н.э. [14, с.11]

Однако даже это не означало полного окончания борьбы плебеев и патрициев, пусть инициатива и перешла на сторону прежде более слабого сословия. Так, продолжение напряженного противостояния хорошо отражается в дальнейшей судьбе фактически неработающих Законов Валерия и Горация. В 339 г. до н.э. диктатор Квинт Публилий Филон сделал решительную попытку привести к жизни старый закон и постановил, что Сенат должен был теперь одобрять законопроекты плебейских собраний до их одобрения самими народными собраниями. Сам факт этого специально принятого закона является лучшим доказательством того, что Законы Валерия и Горация совершенно не работали, несмотря на все свои громкие формулировки.

Теоретически законы Квинта Публилия Филона полностью закрывали любые лазейки для любого саботирования Сенатом решений народных собраний. Но на деле реальность и бюрократические проволочки оказались сильнее даже этих законов, долженствующих закрыть все уязвимости взаимодействия плебейских собраний с Сенатом. И в итоге законы 339 г. до н.э. не стали знаковой и принципиальной датой в борьбе плебеев с патрициями, став лишь промежуточным пунктом между Законами Валерия и Горация 449 г. до н.э. и Законом Гортензия 287 г. до н.э. Основной причиной этого, стал тот факт, что с помощью различных юридических уловок и проволочек Сенату нередко удавалось избегать обязательного исполнения законов принятых на плебейских собраниях.

Поэтому подлинной датой фактического завершения прежнего противостояния патрициев и плебеев стал именно Закон Гортензия, принятый уже в 287 г. до н.э., более чем через полстолетия после законов и тоже отнюдь не просто, для его принятия даже потребовалась сецессия плебеев, последняя в римской истории. То есть сопротивление аристократии даже несмотря на все плебейские внутренние завоевания IV в. до н.э. оставалось весьма сильным. Причем можно говорить о том, что после получения плебеями права избираться консулами и другими магистратами, практически все потребности богатой плебейской верхушки были удовлетворены, она получила практически все для удовлетворения своих амбиций.

То есть, приблизительно с момента принятия Закона Лициния – Секстия интересы богатой части плебса начали все более и более расходиться с интересами основной массы плебеев, например по земельному вопросу [13, с.77], одновременно сближаясь с интересами патрициата, что привело к постепенному формированию новой общности – «нобилитета» [17, р.225], объединяющего в себе патрициев и богатых плебеев, как аристократии денег, а не аристократии крови. Соответственно именно с этим можно связать и очень длинную восьмидесятилетнюю паузу между Законом Лициния – Секстия и Законом Гортензия. Богатые плебеи в своей массе более не были заинтересованы в отстаивании интересов основной массы плебса, поскольку их интересы все более совпадали с интересами патрициев, а допуск ко всем должностям у них уже и без того имелся. Важным свидетельством понимания частью римской элиты тупиковости этого пути стал принятый в 342 г. до н.э. Закон Валерия, направленный на недопущение повторных переизбраний одних и тех же лиц на магистратские должности, в первую очередь на важнейшую должность консула.

Именно в этот период можно говорить и о дальнейшей деградации института народных трибунов, когда должность из реального защитника народных интересов все чаще превращалась в простой социальный лифт для

того или иного богатого и влиятельного плебея. Из этого и вытекает тот факт, что для подтверждения серьезности своих требований плебеи в 287 г. до н.э. были вынуждены вновь пойти на крайне серьезную меру – сецессию. Сюда добавился и тот факт, что старинная долговая проблема никуда не делась, мелкие землевладельцы продолжали разоряться, разве что в роли кредиторов бедных плебеев все чаще выступали не патриции, а другие более обеспеченные плебеи, уже влившиеся в состав римского нобилитета.

И именно Закон Гортензия, специально назначенного для разрешения тяжелой социальной ситуации диктатора стал принципиальным шагом, который считается фактическим концом неравноправия плебеев и патрициев. Хотя этот закон повторял общую логику предшествующих законов Валерия и Горация и Квинта Публилия Филона, он радикальным образом разрешил противоречия между плебейскими собраниями и Сенатом. Теперь решения плебейских собраний, плебисциты стали обязательными к исполнению законами, а у народных трибунов появилось право предлагать законы, вступающие в действие без одобрения Сената. Тем самым плебеи получили равные права с патрициями, а плебейские собрания, начинавшие свой путь как маргинальные, альтернативные организации, стали теперь полноценными органами власти.

Однако необходимо уточнить, что если в области прав и свобод плебеи по Закону Гортензия достигли полной и окончательной победы, то в области защиты имущественных прав мелких землевладельцев ситуация была более сложной и несмотря на некоторое смягчение долгового законодательства, принципиально общая ситуация с разорением мелких собственников так и не изменилась. Напротив, консолидация патрициев и плебеев в нобилитет, на фоне роста рабовладения и концентрации капитала, все это в перспективе приводило только к дальнейшему ухудшению положения мелких земледельцев, традиционно бывших опорой римской армии. Однако эти противоречия, ставшие в дальнейшем причиной серьезных социальных потрясений II-I вв. до н.э. Однако эти потрясения уже полностью отошли от прежнего разлома по линии патриции-плебеи в сторону разделения по имущественному принципу и политическим симпатиям. Таким образом, разрешив длительную многовековую проблему неравноправия патрициев и плебеев, Рим отнюдь не разрешил иных социально-экономических противоречий, ускоряющихся на фоне разложения родовых отношений и роста имущественного неравенства.

Подводя итоги нашему исследованию, можно сделать несколько основных выводов. В первую очередь, касательно того, что полноценное рассмотрение роли и статуса плебеев в Риме невозможно в рамках некой

статичной теории противостояния аристократии и масс, к которой тяготели историки классического периода, такие как Т. Моммзен. Понимание всех тонкостей и нюансов положения плебеев невозможно без погружения в контекст эпохи и понимания всей глубины социально-экономических различий между Римом VI в. до н.э. и Римом III в. до н.э. Особенно важно учитывать этот факт в свете того, что все основные нарративные источники по Ранней Республике грешат именно модернизацией исторических процессов, подгонкой реалий одной эпохи под эпоху совсем иную, даже не говоря о прочих допущенных неточностях, сознательных и несознательных. И именно в силу трудностей с источниковой базой Рим царского периода и первых десятилетий Республики и вызывает столь большое количество споров у ученых вплоть даже до самых базовых понятий, вроде того, какую социальную группу представляли собой плебеи изначально.

Во-вторых, необходимо отметить несколько основных принципиальных этапов изменения роли плебеев в римском обществе. Первый этап, это первая сецессия 494 г. до н.э. Причем в этом случае представляется убедительным тезис, что плебеи этого периода еще не были окончательно оформившейся сословной группой, а римское общество еще не разделилось окончательно по принципу противостояния патрициев и плебеев, существовали еще и промежуточные группы. В период первой сецессии цели плебеев были сугубо оборонительными и весьма ограниченными, неспособными поколебать господство патрициата. Второй этап, это разработка Законов XII таблиц, вторая сецессия плебеев и Закон Канулея, т.е. он захватывает приблизительно период 451-443 гг. до н.э. Этот этап знаменуется максимальной консолидацией плебеев и их способностью в ожесточенной борьбе с патрициатом в определенном смысле перетянуть инициативу на себя, плебейская верхушка начинает постепенно внедряться в новые римские магистратуры, такие как военный трибунал. Третий этап – это Закон Лициния – Секстия 367 г. до н.э. и, следовавшая за ним череда законов, дающих плебеем доступ ко всем основным римским магистратурам. Этот этап можно охарактеризовать, как этап фактического удовлетворения амбиций плебейской верхушки на фоне одновременного ускорения расслоения внутри плебса и сближения плебейской верхушки с патрициатом. Наконец, четвертый и финальный этап представлен последней сецессией плебеев и принятием Закона Гортензия в 287 г. до н.э., что привело к фактическому уравниванию статуса плебеев и патрициев. Сословная борьба, как таковая потеряла смысл, однако никуда не делись социально-экономические противоречия между основной массой плебса и новым классом — нобилитетом, представляющим собой фактическую смычку плебейской верхушки и патрициата.

И, в-третьих, необходимо отметить, что плебеи, учитывая их экономическую и военную роль, были абсолютно неотъемлемой частью римского общества, без них Рим был бы попросту нежизнеспособен. Плебеи и сами это хорошо понимали, поэтому в критических ситуациях использовали именно путь сецессии, как наиболее эффективного средства давления на патрициат. Сословная борьба плебеев одновременно и создавала для Рима определенные риски и точки напряжения, и позволяла

ему развиваться, дав Республике возможность перерасти масштабы малого полисного государства и развиться в огромную многонациональную Империю, еще сохраняя по форме республиканское устройство. Таким образом, несмотря на неминуемые негативные проявления сословной борьбы в отдельных моментах, в целом динамику эволюции положения плебеев в римской истории можно смело оценивать, как положительную с точки зрения римской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокщанин А.Г. Источниковедение древнего Рима. М., 1981. 160 с.
2. Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: Ранняя монархия и Республика. Ярославль, 2004. 248 с.
3. Дионисий Галикарнасский. Римские Древности. В трех томах. М. 2005
4. Егоров А.Б. Римское народное собрание. Правовой статус и властные полномочия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2010, №2. С. 59–72.
5. Егоров А.Б. Римское государство и право. Царский период и эпоха Республики: Учебное пособие. СПб., 2006. 173 с.
6. Ковалев С.И. История Рима / Под ред. Э.Д. Фролова. Л., 1948. 807 с.
7. Маяк И.Л. Римляне ранней республики М., 1993. 160 с.
8. Моммзен Т. История Рима. В 4 томах. Ростов-на-Дону., 1997
9. Павлов А.А. Римские концепции плебейского трибуната: Марк Веррий Флакк // Проблемы истории, филологии, культуры, 2012, №3 (37). С. 40–54.
10. Печатнова Л.Г. Спартанский эфорат и римский трибунал. Опыт сопоставления // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2003, №3. С. 35–43.
11. Струве В.В. Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории Древнего мира. Том III. М., 1953. С. 21–33.
12. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. М., 1989
13. Утченко С.Л. Законы Лициния и Секстия // Хрестоматия по истории Древнего Рима М., 1962. С. 77–80.
14. Ферреро Г. Величие и падение Рима. В 5 томах. СПб., 1997
15. Arnaldo Momigliano. The Rise of the plebs in the Archaic Age of Rome // Social Struggles in Archaic Rome. Blackwell Publishing Ltd 2005. pp. 168-185.
16. Kurt A. Raaflaub. From Protection and Defense to Offense and Participation: Stages in the Conflict of the Orders // Social Struggles in Archaic Rome. Blackwell Publishing Ltd 2005. pp. 185-223
17. Lomas K. The Rise of Rome: From the Iron Age to the Punic Wars. Harvard univ. press, 2018. 432 p.
18. Brunt P.A. Social conflicts in the Roman republic. Norton & Company 1971. 164 p.
19. Timothy J. Cornell. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze age to the Punic wars, (c. 1000 – 264 BC). Routledge, 1995. 507 p.
20. Timothy J. Cornell. The Value of the Literary Tradition Concerning Archaic Rome // Social Struggles in Archaic Rome. Blackwell Publishing Ltd 2005. pp. 47-75.

© Ковалев Станислав Сепреевич (stanisl2021@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»